

ФРОНТОВОЙ ДНЕВНИК

Викентий Вересаев

**ЗАПИСКИ
ВРАЧА**

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В31

Предисловие *Льва Разумовского*

Вересаев, Викентий Викентьевич
В31 Записки врача / Викентий Вересаев. — Москва :
Издательство АСТ, 2024. — 416 с. : илл. — (Фронтовой
дневник (новое оформление)).

ISBN 978-5-17-170135-2

Викентий Вересаев — писатель, врач, переводчик.

«Записки врача» стали настоящим откровением для России и были переведены на все европейские языки. Молодой писатель, врач со всей откровенностью рассказал правду о медицине. В «Записках врача» он поднял завесу тайны над той стороной деятельности медиков, которую его коллеги относили к области профессиональных секретов. «Лжи не будет, — я научился не жалеть себя», — писал автор.

В 1904 году как врач запаса В. Вересаев был призван на военную службу на Русско-японскую войну. События битвы нашли в В. Вересаеве «трезвого, честного свидетеля», по словам Максима Горького. Цикл «Из рассказов о Японской войне», как и «Севастопольские рассказы» Л. Толстого, писались по горячим следам военной кампании.

Произведения, вошедшие в настоящий сборник, стали документами эпохи, откровенной хроникой, пропитанной тонкостью психологического рисунка, остротой и глубиной постановки социальных проблем.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-170135-2

© В.В. Вересаев, наследники, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ЗЕМСКИЙ И ВОЕННЫЙ ВРАЧ

Викентий Вересаев — писатель, врач, переводчик, литературовед. Лауреат Пушкинской премии (1919) и Сталинской премии первой степени (1943). Книга Викентия Викентьевича Вересаева «Записки врача» была впервые опубликована более 120 лет назад, в 1901 году. Трудно подсчитать, сколько раз она была переиздана в России. Она переведена на все основные языки мира. Ее популярность и востребованность в каждом поколении читателей не перестает удивлять. Попробуем разобраться хотя бы частично, в чем состоит этот объективный феномен.

Любое популярное явление, в том числе и литературное, это совокупность случайных и закономерных факторов. Многие более талантливые и интересные произведения, увы, устаревают. Уходят их эпохи, и уходит естественный интерес к этим книгам. Они становятся объектом исследований историографов... и школьников, которых заставляют читать их в школе в рамках обязательной программы. К сожалению, любви к этим замечательным книгам последнее не прибавляет. Поневоле возрадуешься, что книга «Записки врача» этой участи избежала.

Вероятно, одна из причин — это особенности семьи самого автора. В.В. Вересаев (Смидович) принадлежал к семье с неканоническим типом поведения в выборе карьерных устремлений и социальных убеждений. Потомки родовитого дворянского семейства, они были вынуждены жить собственным трудом, поскольку не имели никаких доходов и недвижимости, заработанных и полученных предыдущими поколениями.

Еще один фактор — субъективный, но очень существенный: возмущение книгой значительной части сообщества врачей. Это оказало громкую и неожиданную услугу книге «Записки врача». В момент ее издания между людьми этой профессии существовал негласный кодекс неразглашения некоторых малоприятных проблем, которые существовали и существуют и поныне. Вересаев, с их точки зрения, поступил «неправильно» и нарушил цеховые, кастовые устои врачебного сообщества.

Лев Разумовский

Остановимся более подробно еще на одном факторе — неоднородности самого врачебного сообщества. К концу XIX века в крупных городах сформировалась прослойка высокооплачиваемых и «модных» врачей. Именно эта социальная группа была наиболее возмущена и воплотила свое негодование в многочисленные публичные выступления и газетные публикации. Раздражение при подобных событиях очень достоверно описано в созвучном «Запискам врача» романе К.М. Станюковича «Жрецы» (1911).

Сам В.В. Вересаев, как и его отец, принадлежал к категории земских врачей. Обратим внимание на следующие особенности, которые в равной степени характерны для всех врачей-писателей: отсутствие избыточного пафоса и склонности к надуманной драматизации, нежелание немотивированных, необдуманных и бездоказательных социальных обобщений. Именно такими личностные признаки были у Чехова и Булгакова, тоже выходцев из среды земских врачей.

Но, наверное, самое главное не это. Самое главное — это уровень доброжелательности, спокойной, неаффектированной, стремление разобраться в том, чем можно помочь каждому конкретному, отдельно взятому человеку. Раньше это называлось очень просто: любовь к ближнему, любовь не демонстративная и не кликушеская.

Еще одна отличительная особенность писателей-врачей — отсутствие вражды между ними, что бывает не так уж часто в писательской среде. Очень характерны воспоминания В.Г. Лидина о том, как общались Вересаев и Чехов. Им не надо было дружить, они друг друга понимали. Прочитайте переписку Вересаева с Булгаковым. Сколько помощи и понимания было в его отношении к молодому писателю (М.А. Булгакову), приехавшему в Москву из Киева. Общеизвестно, что цикл рассказов М.А. Булгакова «Записки юного врача» (1925–1926) созвучны и перекликаются с «Записками врача» (1901) В.В. Вересаева.

Кроме того, как и 120 лет назад, люди по-прежнему болеют и умирают, а вопросы, «неправильные» вопросы, поднятые в книге, по-прежнему остаются без окончательного ответа. Это вопросы, которые обусловлены не только профессиональными трудностями в области медицины и лече-

Земский и военный врач

ния. Они связаны с этикой и моралью и, вероятно, именно поэтому окончательного ответа не имеют.

Любая война, как и многие серьезные заболевания, неизбежно связаны со страхом смерти... и надеждой ее избежать.

Прежде чем давать оценку «Рассказам о Японской войне», необходимо дать характеристику самой этой войны. Фактически это был первый вооруженный конфликт нового поколения — предвестник мировых войн, когда техническая оснащённость автоматическим оружием и появление артиллерии иного уровня точности и дальности поражения приобрели решающее значение. Успешное применение таких устаревших методов, как штыковые атаки или атаки с применением кавалерии, становилось все менее действенным.

Именно на такую войну в качестве военного врача запа- са был призван Викентий Викентьевич Вересаев. Наиболее сильными сторонами писательского дарования В.В. Вересаева всегда были его публицистическо-журналистские навыки. Именно достоверное описание происходящих событий являлось самой запоминающейся частью его повестей и рассказов.

Несомненно, гармоничное сочетание двух высших образований: историко-филологический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета (1884—1888) и медицинский факультет Императорского Дерптского университета (1888—1894) — позволило ему создать литературные произведения такой откровенности и правдивости.

Нельзя не вспомнить, что шестью десятилетиями ранее на медицинском факультете Дерптского университета учился другой писатель, Владимир Иванович Даль. По словам всех современников, он обладал теми же «признаками», характерными для писателей-врачей: спокойное, навязчивое сочувствие и понимание происходивших событий. Один из основателей русской словесности служил (в обстановке боевых действий) военным врачом несколько лет. Поневоле напрашиваются аналогии со службой Вересаева на Русско-японской войне.

Мир еще не увидел (и навсегда не запомнил) рассказы и повести Бернарда Шоу и Эриха Марии Ремарка о Первой мировой войне. Вересаев первым описал, что испытывают

Лев Разумовский

солдаты противоборствующих сторон после окончания боя. Когда они просто люди, а не противники, раненые и обессиленные («Враги», 1903).

Царивший на этой войне беспорядок и управленческую неразбериху писатель однозначно связывал с отсталостью существующего государственного устройства. Перечитывая эти рассказы сейчас, дистанцируясь от предельно добросовестно описываемых событий на 120 лет, невольно осознаешь, что дело не только в этом.

Воюющие стороны, в первую очередь офицерский и унтер-офицерский корпус, были воспитаны на иных реалиях войны. Требовалась иные тактические методы и другой уровень управления. Их профессиональное (военное) сознание сформировалось в другую военную эпоху. Такое «отставание» является общеисторической закономерностью.

В.В. Вересаев публиковался с 1884 года и более чем за полтора десятилетия особой писательской известности не снижало. Вероятно, художественная составляющая в этих опубликованных произведениях в какой-то степени преобладала.

Уже став известным и именитым, он, со свойственной ему прямоотой, говорил о себе: «Я не писатель, я — литератор». Именно сочетание публицистической одаренности и профессионального знания материала сделали «Записки врача» и цикл «Рассказов о Японской войне» такими неустаревающими произведениями.

Литература

Вересаев В.В. По поводу записок врача. Ответ моим критикам. СПб.: Электронпеч. Н. Никитенко, 1903.

Вересаев В.В. Собрание сочинений. В 5 томах. Т. 1. М.: Правда, 1961. С. 244–460.

Вересаев В. В. Собрание сочинений. В 5 томах. Т. 2. М.: Правда, 1961. С. 379–384.

Лидин В.Г. Люди и встречи. М.: Московский рабочий, 1965. С. 35–39.

Станюкович К.М. В мутной воде. Жрецы. М.: Московский рабочий, 1966. С. 179–423.

*Разумовский Лев Владимирович
(правнук младшего брата писателя)*

ЗАПИСКИ ВРАЧА

Я кончил курс на медицинском факультете семь лет назад. Из этого читатель может видеть, чего он вправе ждать от моих записок. Записки мои это не записки старого, опытного врача, подводящего итоги своим долгим наблюдениям и размышлениям, выработавшего определенные ответы на все сложные вопросы врачебной науки, этики и профессии; это также не записки врача-философа, глубоко проникшего в суть науки и вполне овладевшего ею. Я обыкновеннейший средний врач, со средним умом и средними знаниями; я сам путаюсь в противоречиях, я решительно не в силах разрешить многие из тех тяжелых, настоятельно требующих решения вопросов, которые возникают предо мною на каждом шагу. Единственное мое преимущество, — что я еще не успел стать человеком профессии и что для меня еще ярки и сильны те впечатления, к которым со временем невольно привыкаешь. Я буду писать о том, что я испытывал, знакомясь с медициной, чего я ждал от нее, и что она мне дала, буду писать о своих первых самостоятельных шагах на врачебном поприще

Викентий Вересаев

и о впечатлениях, вынесенных мною из моей практики. Постараюсь писать все, ничего не утаивая, и постараюсь писать искренне.

I

Я учился в гимназии хорошо, но, как и большинство моих товарищей, науку гимназическую презирал до глубины души. Наука эта была для меня тяжелою и неприятною повинностью, которую для чего-то необходимо было отбыть, но которая сама по себе не представляла для меня решительно никакого интереса; что мне было до того, в каком веке написано «Слово Даниила Заточника», чей сын был Оттон Великий и как будет страдательный залог от «persuadeo tibi»?¹

Развитие мое шло помимо школы, помимо школы приобретались и интересовавшие меня знания.

Все это резко изменилось, когда я поступил в университет. На первых двух курсах медицинского факультета читаются теоретические естественно-научные предметы — химия, физика, ботаника, зоология, анатомия, физиология. Эти науки давали знание настолько для меня новое и настолько важное, что совершенно завладели мною все вокруг меня и во мне самом, на что я раньше смотрел глазами дикаря, теперь становилось ясным и понятным и меня удивляло, как я мог дожить до двадца-

¹ Уверяю тебя (*лат.*) — *Прим. ред.*

Записки врача

ти лет, ничем этим не интересуясь и ничего не зная. Каждый день, каждая лекция несли с собою новые для меня «открытия» я был поражен, узнав, что мясо, то самое мясо, которое я ем в виде бифштекса и котлет, и есть те таинственные «мускулы», которые мне представлялись в виде каких-то клубков сероватых нитей, я раньше думал, что из желудка твердая пища идет в кишки, а жидкая — в почки, мне казалось, что грудь при дыхании расширяется оттого, что в нее какую-то непонятную силою вводится воздух, я знал о законах сохранения материи и энергии, но в душе совершенно не верил в них. Впоследствии мне пришлось убедиться, что и большинство людей имеет не менее младенческое представление обо всем, что находится перед их глазами, и это их не тяготит. Они покраснеют от стыда, если не сумеют ответить, в каком веке жил Людовик XIV, но легко сознаются в незнании того, что такое угар и отчего светится в темноте фосфор.

Что касается анатомии, то часто приходится слышать, какую тяжелою и неприятною стороною ее изучения является необходимость препарировать трупы. Действительно, некоторые из товарищей довольно долго не могли привыкнуть к виду анатомического театра, наполненного ободранными трупами с мутными глазами, оскаленными зубами и скрюченными пальцами; одному товарищу пришлось даже перейти из-за этого на другой факультет — он стал страдать галлюцинациями, и ему каза-

Викентий Вересаев

лось по ночам, что из всех углов комнаты к нему ползут окровавленные руки, ноги и головы. Но лично я привык к трупам довольно скоро и с увлечением просиживал целые часы за препаровкою, раскрывавшею передо мною все тайны человеческого тела, в течение семи-восьми месяцев я ревностно занимался анатомией, целиком отдавшись ей, — и на это время взгляд мой на человека как-то удивительно упростился. Я шел по улице, следя за идущим передо мною прохожим, и он был для меня не более, как живым трупом. Вот теперь у него сократился *glutaeus maximus*, теперь *quadriceps femoris*, эта выпуклость на шее обусловлена мускулом *sternocleidomastoideus*, он наклонился, чтобы поднять упавшую тросточку, это сократились *musculi recti abdominis* и потянули к тазу грудную клетку. Близкие, и дорогие мне люди стали в моих глазах как-то двоиться; эта девушка, — в ней столько оригинального и славного, от ее присутствия на душе становится хорошо и светло, а между тем все, составляющее ее, мне хорошо известно, и ничего в ней нет особенного. На ее мозге те же извилины, что и на сотнях виденных мною мозгов, мускулы ее так же насквозь пропитаны жиром, который делает столь неприятным препарирование женских трупов, и вообще в ней нет решительно ничего привлекательного и поэтического.

Еще более сильное впечатление, чем предлагаемые знания, произвел на меня метод, царивший в этих знаниях. Он вел вперед осторожно и неуклонно,

Записки врача

не оставляя без тщательной проверки самой ничтожной мелочи, строго контролируя каждый шаг опытом и наблюдением — и то, что в этом пути было пройдено, было пройдено окончательно, возможности не было, что придется воротиться назад. Метод этот так обаятельно действовал на ум потому, что являлся не в виде школьных правил отвлеченной логики, а с необходимостью вытекал из самой сути дела — каждый факт, каждое объяснение факта как будто сами собою твердили золотые слова Бэкона «non fingendum aut excogitandum, sed inveniendum, quid natura faciat aut ferat, — не выдумывать, не измышлять а искать, что делает и несет с собою природа». Можно было не знать даже о существовании логики, сама наука заставила бы усвоить свой метод успешнее, чем самый обстоятельный трактат о методах; она настолько воспитывала ум что всякое уклонение от прямого пути в ней же самой, — вроде «непрерывной зародышевой плазмы» Вейсмана или теорий зрения, — прямо резало глаза своею ненаучностью.

На втором курсе подготовительные, теоретические предметы закончились. Я сдал полулекарский экзамен. Начались занятия в клиниках.

Здесь характер получаемых знаний резко изменился. Вместо отвлеченной науки на первый план выдвинулся живой человек; теории воспаления, микроскопические препараты опухолей и бактерий сменились подлинными язвами и ранами. Больные,